

УДК 745.5 (520)
ББК 85.125 (5 Я по)
Е 30

Егорова А.А.

Сотрудник научно-просветительного отдела государственного Эрмитажа, соискатель кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, e-mail: egorova-ermus@yandex.ru

**Декор японской керамики: символично-образный
строй и структура художественного текста**
(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются особенности символического языка и структуры художественно-символического текста в декоре традиционной японской керамики. Описанными особенностями являются тесная связь декора с иероглифической письменностью Дальнего Востока, литературной традицией, синкретическими религиозными культурами, эстетическими и этическими учениями Японии. Понимание символично-образного строя и структуры художественного текста в декоре произведений японской керамики позволяет не только соотносить изделие с той или иной культурной традицией Японии, но и, в некоторых случаях, устанавливать датировку, обусловленную историей экспортного производства в мастерских этой страны.

Ключевые слова:

Декор, декоративно-прикладное искусство, иконография, искусство Японии, керамика, семиотика, структурно-семиотический анализ.

Egorova A.A.

Researcher of Education Division of the State Hermitage, Competitor of the Department of Art History, the St. Petersburg University of Humanities of Trade Unions, e-mail: egorova-ermus@yandex.ru

**Japanese ceramics decor: the symbolic and imagery
structure of a literary text**

Abstract:

The paper discusses the features of symbolic language and structure of the artistic and symbolic text in the Japanese traditional ceramics decor. Those are a close relationship of the decor with the hieroglyphic writing of the Far East, a literary tradition, syncretic religious cults, and aesthetic and ethical doctrines of Japan. Understanding the symbolic - imagery construction and the structure of a literary text in Japanese ceramics allows us not only to bring the product into correlation with a particular cultural tradition in Japan, but also, in some cases, to establish date, due to the history of export production in the workshops of the country.

Keywords:

Décor, applied and decorative arts, iconography, Japanese art, ceramics, semeiotics, structural – semeiotic analysis.

Интерпретация декора предметов декоративно-прикладного искусства является одним из интереснейших аспектов искусствоведческого исследования и обладает рядом особенностей для произведений искусства Дальнего Востока и Японии.

Изучение декора японской керамики должно учитывать особенность бытования керамических изделий в японской культуре: будучи бытовыми и ритуальными предметами, а также предметами престижа и роскоши, изделия одних и тех же мастерских могли создаваться в традициях разных культурных практик и социальных субкультур. По принадлежности к культурной традиции японскую традиционную керамику в основном разделяют на бытовую керамику ремесленного производства (*мингэй*) и керамику для чайной церемонии (*тято*); особую группу составляют изделия для приготовления и питья зелёного листового чая (*сэнтя*), обладающие своеобразием форм и декора, но не выделяемые в традиционном японском искусствознании.

Все эти группы керамики декорировались в техниках рельефа, подглазурной и надглазурной росписи. Следует отметить, что декор керамики для чайной церемонии оставался на всём протяжении XVII-XIX веков (эпоха Эдо в японской историографии) исключительно лаконичным, порой даже лапидарным. Такой лаконизм, с одной стороны, был призван акцентировать мотив; с другой – связан с особым характером восприятия знака и ролью письменности в культурах Дальнего Востока.

Чтение и восприятие иероглифического текста по своим психофизиологическим характеристикам отличается от восприятия текста фонетического письма [1, 2]. Эта система письменности дала мощный толчок к развитию в культурах способности восприятия образов мира через письменные символы, и – наоборот – к восприятию образов окружающего мира и художественных произведений как зна-

ков, обладающих рядом значений. Таким образом, художественное произведение Японии является «текстом» в гораздо более непосредственном понимании, нежели то, что было рассмотрено Ю.М. Лотманом и его последователями на отечественном и западноевропейском материале [3]. Более того, при интерпретации изобразительных знаков японского искусства необходимо учитывать, что «понятия, значения, мысли, которыми оперирует человек, несут на себе зачастую печать особенностей национальной культуры, своеобразие национального языка» [4].

Анализ декора произведений керамики и фарфора Японии, как правило, начинается с расшифровки символов и сюжетов росписи, опирается на изучение религиозной и светской литературы Дальнего Востока и использование справочников и словарей символики. Искусство Японии тесно связано с символикой Китая, имеющей глубокие религиозно-философские корни. Однако символическое прочтение «текста» произведения японской керамики осложняется двумя основными культурными особенностями Японии: адаптацией китайской символики к местным верованиям и формированием национальной эстетики и философско-поэтическая символики. В целом, мотивы декора керамики можно разделить на следующие группы:

1. Религиозные символы благожелательного содержания, имеющие истоки в буддизме, даосизме, конфуцианстве и комплексе народных верований Японии.
2. Мотивы декора, которые связаны с природными явлениями, «константами» визуального опыта Японии [5: 17].
3. Мотивы, которые являются отсылкой к культурному явлению общенационального масштаба, чаще всего – литературному произведению (классической поэзии и прозе). Исследователи отмечают исключительную «лите-

ратуроцентричность» японской культуры и особую роль поэзии в формировании национальной эстетики Японии. Использование литературных «цитат» не всегда предполагает адресацию к высшим, образованным классам: классические сюжеты были хорошо известны горожанам благодаря театрам Кабуки и Дзёрури, а также изданиям недорогих иллюстрированных книг и гравюр.

Через иконографический анализ, установление «системы вариантов изображения определенного персонажа, лица, события, трактовки сюжета» [6: 160] раскрывается многообразие и сложная структура японской национальной культуры. Мотивы декора произведений прикладного искусства устанавливают связи между зрителем, погружённым в культурную среду, и всем многообразием культуры его времени. Предмет, таким образом, становится своеобразным ключом, открывающим широкое поле культурного контекста, аккумулирует опыт культуры.

Одна из самых важных проблем в декоративной живописи – это организация целого. В то же время, декор имеет аналитическую функцию: выявление архитектоники предмета, следующей функциональному предназначению.

Расположение декора и его соотношение с фоном и формой изделия имеет важное значение для стилистического анализа предметов японской керамики. Рассматривая чайную керамику, созданную в духе традиционной чайной церемонии *ваби-тя*, можно заметить соблюдение в декоре принципов традиционной живописи, в том числе в характере соотношения фона и изобразительного мотива. В этом соотношении заметна большая роль «пустоты» - фона черепка или цветной глазури, на котором располагается декоративный мотив или несколько декоративных мотивов. Немногословность, лаконичность декора изделия соответствовала духу *ваби* и, в то же время, была тес-

но связана с традицией народного ремесла *мингэй*, в котором декорация занимала небольшое место [7: 46].

При таком лаконичном декоре его расположение приобретает большое значение, как эстетическое, так и функциональное (организационное, этическое). Для утвари, принимавшей участие в чайной церемонии, было принципиально важно наличие «лицевой» и «оборотной» стороны, так как ориентация предмета определялась церемониальной этикой [8: 71]. В изделиях керамических мастерских, следовавших требованиям эстетики *ваби* и потребностям церемонии *ваби-тя*, часто декорировалась только «лицевая» сторона чаши. Если изделие декорировано не одним мотивом, а композицией из нескольких мотивов, то сосредоточение декора и его тематика может определить функциональную организацию предмета.

Идея «этики декора» переходит с предметов для *тя-но ю* и на другие (отчасти ритуальные) керамические изделия. С распространением зелёного листового чая (*сэнтя*) в XVII в. в репертуаре японских мастерских появляются чайники разнообразных форм, декорирующиеся в традициях тех мастерских, в которых они производились. Вне зависимости от обилия декора, во всех изделиях соблюдается такая организация декора, при которой одна сторона является «лицевой», а другая – «оборотной».

Так, благодаря перенесению в декор целого комплекса философско-этических представлений, в керамических изделиях раскрывается принцип «великое в малом», характерный для религиозной философии буддизма школы дзэн. В духе парадоксальной дзэнской практики, «малое», «ничтожное», заключает в себе весь комплекс «великого», то есть является знаком присутствия Будды и истинной реальности [9: 193].

Важными для исследования являются и изменения, произошедшие в языке японского изобразительного искусства в

связи с возникновением экспортной художественной продукции. Главными требованиями торговых домов и частных коллекционеров были повышенная декоративность изделий и их экзотический, подчеркнута восточный, вид. В результате в декоре не соблюдалось смысловое единство, совмещались знаки разного уровня и разной культурной парадигмы, возникали противоречия, делавшие изделие «нечитаемым» для японца, но привлекательным для иностранного покупателя. Также

терялась «этика формы», или (при её сохранении) она не учитывалась западными потребителями.

Понимание символично-образного строя и структуры художественного текста в декоре произведений японской керамики позволяет не только соотносить изделие с той или иной культурной традицией Японии, но и, в некоторых случаях, устанавливать датировку, обусловленную историей экспортного производства в мастерских этой страны.

Примечания:

1. Зиндер Л.Р. Очерк общей истории письма. Л., 1987. 109 с.
2. Сухачёв Н.Л. Экскурс в историю письма: знак и значение. СПб., 1998. 140 с.
3. Успенский Б. А. О семиотике иконы // Труды по знаковым системам. Вып. V. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 28. Тарту, 1971. С. 178-223.
4. Буряк Н.Ю. Культурообразующий потенциал и социокультурная сущность языка: особенности этносемантической интерпретации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. Вып. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturoobrazuyuschiy-spotentsial-i-sotsiokulturnaya-suschnost-yazyka-osobennosti-etnosemanticheskoy-interpretatsii>
5. Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2004. 556 с.
6. Золотарёва Л.Р. Описание и анализ произведения искусства – эстетико-искусствоведческий и педагогический инструментарий // Известия Алтайского государственного университета. 2012. Вып. 2 (74). URL: <http://izvestia.asu.ru/2012/2-1/arts/TheNewsOfASU-2012-2-1-arts-01.pdf>
7. Brandt K. Kingdom of Beauty: Mingei and the Politics of Folk Art in Imperial Japan. Durham; London: Duke University Press, 2007. 306 p.
8. Sen Souchitsu XV. The Japanese Way of Tea: From Its Origins in China to Sen Rikyu / trans. by V. Dixon Morris. University of Hawai'i Press, 1998. 220 p.
9. Судзуки Д. Дзэн-буддизм. Основы Дзэн-Буддизма; Кацуки С. Практика Дзэн [сборник]. Бишкек: Одиссей, 1993. 672 с.

References:

1. Zinder L.R. The sketch of the general history of a letter. L., 1987. 109 pp.
2. Sukhachyov N.L. Excursus to history of a letter: a sign and meaning. SPb., 1998. 140 pp.
3. Uspensky B.A. On the icon semiotics // Works on sign systems. Issue V. The proceedings of Tartu University. Issue 28. Tartu, 1971. P. 178-223.
4. Buryak N.Yu. Culture-forming potential and sociocultural essence of language: features of ethnosemantic interpretation // Bulletin of the Adyghe State University. Series "Region studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political sciences and Culturology". 2011. Issue 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturoobrazuyuschiy->

potentsial-i-sotsiokulturnaya-suschnost-yazyka-osobnosti-etnosemanticheskoy-interpretatsii

5. Meshcheryakov A.N. The book of Japanese symbols. The book of Japanese customs. M.: Natalis, 2004. 556 pp.
6. Zolotaryova L.R. The description and the analysis of a work of art – esthetic, art studying and pedagogical tools // News of the Altai State University. 2012. Issue 2 (74). URL: <http://izvestia.asu.ru/2012/2-1/arts/TheNewsOfASU-2012-2-1-arts-01.pdf>
7. Brandt K. Kingdom of Beauty: Mingei and the Politics of Folk Art in Imperial Japan. Durham; London: Duke University Press, 2007. 306 p.
8. Sen Sousei XV. The Japanese Way of Tea: From Its Origins in China to Sen Rikyu/ trans. by V. Dixon Morris. University of Hawai'i Press, 1998. 220 p.
9. Sudzuki D. Zen Buddhism. Fundamentals of Zen Buddhism; Katsuki S. Practice of Dzen [collection]. Bishkek: Odyssey, 1993. 672 pp.